

УДК 94(477)

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ
СОВРЕМЕННОЙ СЛАВЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ (на примере украинских
общин ФРГ)

*Елена Анатольевна Косован¹, к.и.н., доцент кафедры стран
постсоветского зарубежья ФРБОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»*

Аннотация: В статье рассматриваются сценарии формирования идентификационной матрицы, сохранения и трансформации этнокультурной идентичности украинцев в условиях диаспоры в ФРГ.

Ключевые слова: украинская диаспора, ФРГ, идентичность, эмиграция, глокализация.

Abstract: The article considers the scenarios of identity matrix development, ethnocultural identity preservation and transformation by the case of the ukrainian diaspora in Germany.

Key words: ukrainian diaspora, Federal Republic of Germany, identity, emigration, glocalisation.

В наши дни рассуждения об эпохе глобализации и связанных с ней вызовов, о том, что в период глобальных изменений современный человек оказывается в ситуации кризиса этнонациональной идентичности и прочих подобных проблемах, если не приелись, то стали шаблонными. Они скользят по поверхности слуха и разума рассуждений, и потому мы не хотели начинать с них статью, посвященную славянской диаспоральной идентичности в условиях глобализированной Европы.

Однако избежать этих рассуждений никак не получается. Ведь по словам Роджерса Брубейкера, «общественная жизнь повсюду, хотя и неравномерно,

¹Сотрудник Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ.

Область профессиональных интересов: история Германии, история Украины, историческая демография, военная история, социология диаспор, социология тоталитарных обществ, методология междисциплинарных исторических исследований.

E-mail: ekkade@gmail.com.

структурирована по этническим линиям, и этничность «встречается» в различных повседневных обстоятельствах»². Процессы же всемирной интеграции и унификации, составляющие существо глобализации, неизбежно, неостановимо меняют эти линии. Проникая в область этнического, они трансформируют этот аспект нашей повседневной жизни, и потому касаются каждого из нас и являются остро актуальной проблемой.

Влияние глобализации на человечество двойственно – позитивно и деструктивно. Позитивные следствия глобализационных процессов заключаются в громадном, беспрецедентном расширении возможностей для коммуникации. В сущности, имеет место масштабная этнокультурная диффузия, суть которой сводится к стихийному заимствованию этнокультурных кодов, технологий знаний, что, безусловно, способствует сближению и взаимообогащению народов.

Но есть у глобализации и теневая сторона. Она стимулирует такие изменения в этнической, религиозной, культурной картине мира, в психологии человека и в его образе жизни, которые исподволь разрушают важнейшие социокультурные институты, ответственные за идентификационный процесс и на индивидуальном уровне, и на уровне целых социальных групп³. Снижение культурного разнообразия вплоть до унификации чревато тем, что народы утрачивают самобытность и финалом этого процесса может стать полное уничтожение исходной этнокультурной идентичности.

Правда, этносоциальные организмы устроены мудро. Чем сильнее вызовы глобализации, тем с большей настойчивостью они стремятся сохранить свою культуру, язык, религию и традиции. В этом сущность феномена глокализации – уникального процесса, симбиотизирующей тенденции универсализации и партикуляризации, в результате которого «выстраивается новая, охватывающая весь мир и

²Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012. С. 15.

³Киммель Н.В. Особенности формирования культурной идентичности представителей русскоязычной диаспоры в мусульманских странах / Дисс. ... канд. соц. н. Екатеринбург, 2011. С. 3.

самовоспроизводящаяся социокультурная иерархия»⁴. Осознание закономерностей и прогнозирование результатов этого, без преувеличения, великого строительства является весьма насущной задачей для всех ученых-гуманитариев.

Под влиянием глокализации трансформации этничности происходят на всех ее «этажах» и охватывают все ее проявления. Касается это и диаспор. Проблемы диаспорообразования и диаспоральной идентичности приобретают особое звучание именно сейчас, когда интенсивность миграций усилилась во много раз, а диаспоры стали важной составляющей современной системы международных отношений.

Более того, мы полагаем, что наибольший интерес представляют исследования этнокультурной идентичности именно в условиях диаспоры. Ведь диаспора – это практически всегда особый этнокультурный диалог народов, если не сказать – цивилизаций, в ходе которого у всех сторон, в нем участвующих, меняется привычная картина мира, трансформируются способы самопонимания, коммуникации, социальной адаптации. Понимание сути этого многосложного, долгого и неоднозначного процесса в наши дни абсолютно необходимо, ибо мы особенно остро нуждаемся в нормальном межцивилизационном общении.

В контексте исследований диаспоральной идентичности особое внимание, очевидно, должно было уделено идентичности славянской как «сложносоставному феномену, объединяющему в себе ряд культурно-социальных явлений, принадлежащих разным уровням обобщения»⁵. Причем необходимо учитывать, что «в культуре повседневности и в формах политической регуляции процессов, сопряженных с феноменом славянства,

⁴Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. С. 6.

⁵Климов А.Г. Славянская идентичность: социальные и социокультурные аспекты // Социологический альманах. 2010. №1. С.181.

наблюдается смешение и растворение его различных граней, что подчас вызывает затруднения в сфере межнациональных отношений»⁶.

В особенности остро эти процессы ощущаются в условиях диаспоры. Для славянских общин в инокультурных странах проблема сохранения национальной идентичности является повседневной реальностью, весьма жесткой и неоднозначной, но, к сожалению, весьма фрагментарно освоенной в рамках отечественного научного дискурса. Задача данной статьи – осветить наиболее «темный» аспект этой реальности, а именно: рассмотреть сценарии трансформаций идентичности в украинской диаспоре ФРГ.

Украинские общины в странах современного германского мира – это несколько маргинальный сюжет для отечественной, да и для зарубежной науки. И это понятно, поскольку основной проблемой этих стран мигранты-славяне были в 1990-е – начале 2000-х гг. Сейчас же все внимание научного мира сконцентрировано на арабо-тюркских общинах в контексте исламского вызова. Однако мы сомневаемся в том, что можно успешно изучить все аспекты проблематизации и трансформации культурной идентичности мигрантов из стран Ближнего Востока, если игнорировать и до конца не понимать, как протекают аналогичные процессы в общинах мигрантов-славян, более близких коренному населению по культуре и миропониманию.

Тем более, что история одной из таких «заброшенных» диаспор – современной украинской диаспоры в Германии - является интереснейшим примером сразу нескольких серьезных, требующих глубокого изучения процессов. Это и славяно-германский диалог, и взаимодействие между «слоями» диаспоры, сформировавшимися в разное время, на разном этнокультурном субстрате и в результате разнохарактерной миграций, и, разумеется, выстраивание новой, специфической диаспоральной полиидентичности, и т.д.

⁶ Там же.

Несмотря на все это, ее историография крайне скудна. Систематические исследования современной украинской диаспоры в ФРГ не проводятся, поэтому подавляющее большинство работ, посвященных ей, создано автором данной статьи⁷, который опирался на материалы официальной немецкой статистики, а также интернет-ресурсы украинских диаспоральных структур.

Согласно этим данным, сейчас украинские общины сложились практически во всех федеральных землях Германии⁸. Как и другие славянские общины, они демонстрируют значительную территориальную и институциональную рассредоточенность и диспропорции в половозрастном составе (преобладание женщин в возрасте 25 – 40 лет, а также детей и подростков), что способствует значительной восприимчивости украинцев к ассимиляционным процессам. Их адаптивность в целом довольно высока (особенно по сравнению с выходцами из афро-азиатских стран), что объясняется не только относительной близостью украинской культуры и украинского менталитета к европейским, но и экономическим характером последних волн эмиграции. Безвозвратная экономическая эмиграция обычно ассоциируется с более последовательной и определенной нацеленностью участников на интеграцию в принимающее общество, чем эмиграция политическая.

Это, однако, не означает, что между украинскими эмигрантами и местным населением (которое, к слову, воспринимает их чаще всего этнически обезличенно – как выходцев из бывшего СССР) существуют серьезные и

⁷ Косован Е.А. Особенности формирования и перспективы развития украинских диаспор в ФРГ в 1990-е – начале 2000-х гг. // Сб. ст. «Per aspera...». Вып. 1. М., 2009. С. 276 – 290; Она же. Иммиграция украинцев в Германию и формирование украинской диаспоральной общины в 1990-е годы // Россия и Германия. Научный гумбольдтовский журнал. 2012. №2(4). С. 53—55; Она же. Особенности оформления институциональной структуры украинской диаспоральной общины в ФРГ (конец XX – начало XXI вв.) // Тенденции и перспективы развития современного научного знания: Мат. X Междунар. науч.-практ. конф. М.: РИСИ, 2014. С. 107 – 113; Она же. Три волны украинской эмиграции в Германию в XX - начале XXI вв. // Мат. Междунар. молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ – 2015». М., 2015; Она же. Украинская эмиграция в Германии: XIX - начало XXI вв. / Дисс. ... канд.ист. н. М., 2015.

⁸Müller I. M. Migration in Deutschland und in einigen anderen Ländern Abhandlung für den Gebrauch an der Schule. Arbeitsbericht Nr. 275 / Staatinstitut für Schulqualität und Bildungsforschung. München, 2005. S. 65; Migrationsbericht des Bundesamtes für Migration und Flüchtlinge im Auftrag der Bundesregierung (Migrationsbericht 2013) / Bundesministerium des Innern. Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. S. 23-25.

устойчивые барьеры этнокультурного и этнопсихологического характера. Существование этих барьеров обусловлено как закрытостью немецкого общества, очень долго жившего в соответствии с нормами *jus sanguinis*, так и устойчивым «комплексом иностранца» у эмигрантов, который подразумевает в том числе «психологические неудобства и комплекс неполноценности при контактах с местным населением»⁹ и избегание таких контактов.

В особенности это касается эмигрантов 1990-х гг., которые оказались особенно не подготовленными к жизни за рубежом. Мы не имеем сейчас в виду неподготовленность, которую можно приравнять к неосведомленности и которая является следствием проживания за «железным занавесом», а более фундаментальные сложности.

Очевидно, что диаспоральная идентичность индивида выстраивается на той основе, которая была заложена до того, как он эмигрировал. Поэтому принципиальное значение приобретает исследование идентичности в доэмиграционный период. Когда мы говорим о доэмиграционном периоде по отношению к украинской диаспоре, приходится учитывать несколько факторов.

Во-первых, украинская диаспора в ФРГ сформировалась на основе миграционных потоков из разных стран – преимущественно из Украины, России, Казахстана, Беларуси и Польши, причем в каждой из этих стран этнические украинцы обладают своей идентификационной матрицей.

Во-вторых, весьма серьезной проблемой является этнокультурное самоощущение население Украины. С одной стороны, имеет место кризис национальной идентичности вообще, как общемировой процесс, связанный с глобализацией. Самоощущение украинца, еще не ставшего эмигрантом, космополитизируется и теряет этническую остроту в силу того, что такова общемировая тенденция. Но с другой стороны, в ответ на культурную

⁹ Хрусталева Н.С. Переживание психической травмы и печали в условиях эмиграции // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2010. №1. С.254, 256.

диффузию и нивелирование этнокультурных особенностей происходит актуализация национальной и гражданской идентичности, и это также накладывает свой отпечаток на поведение и самоощущение потенциального члена диаспоры.

Не секрет, что украинское общество очень неоднородно. Украинская национальная идентичность имеет ярко выраженные региональные особенности. Конкуренция и даже конфликт между существующей региональной идентичностью и общегражданской идентичностью, которая сейчас находится на стадии формирования, – это серьезнейшая проблема, которая существует с момента создания независимой Украины и которая переносится с украинской почвы на почву немецкую – в диаспору.

Украинский социум фрагментаризирован не только в силу конкурентно-конфликтных отношений между региональной и гражданской идентичностью, но и в силу того, что это транзитный социум, социум, находящийся в пути – от советской реальности к постсоветской. Здесь еще очень болезненно ощущаются «деструктивные явления в экономике и политико-властных отношениях»¹⁰, поиск ключевых векторов общественного развития не завершен, ценностный раскол не преодолен, социальная дифференциация довольно велика. Иными словами, украинское общество разобщено, а это значит, что очень высока дифференциация идентификационной матрицы его членов и сложны механизмы выстраивания этнонациональных, социальных, политических и иных стратегий. Оценивать это явление можно по-разному, и это – задача специального исследования.

Если же говорить об эмигрантах, такая ситуация может способствовать повышению их адаптивных способностей. Но в то же время она определенно чревата их дезориентацией, а потеря твердой этнокультурной и социально-политической «почвы» под ногами в условиях эмиграции в лучшем случае

¹⁰ Бондарь Ю.А. Динамика политической культуры // Научные труды «Республиканского института высшей школы». 2016. №15. С. 27.

приводит к ускоренной ассимиляции, а в худшем – к маргинализации эмигранта.

Наконец, мы выделим в качестве отдельной проблемы и отдельного слоя в идентификационной матрице украинцев постсоветский элемент. Для идентификационных процессов на постсоветском пространстве в принципе характерны такие особенности, как «эkleктичность, многоуровневость, сочетание инвариантности и турбулентности, центробежности и центростремительности»¹¹. Многолетнее общежитие в одном государстве и попытки создания единого «советского этноса» не прошли даром и продолжают «аукаться» в миро- и самовосприятии и поведении представителей всех постсоветских этносов. Весьма интересно при этом, что они проявляются как в виде позитивной, так и в виде негативной идентификации. Проиллюстрировать это можно на примере объединительных и антиобъединительных установок. Для одной части украинцев характерно «слиянная идентификация» («мы – славяне», «украинцы и русские – братские народы», «русские и украинцы - один народ» и т.д.), тогда как другая часть предпочитает выстраивать свои способы самоидентификации на основе отрицания принадлежности к «русскому» или «советскому» миру. В условиях диаспоры могут обостряться и те, и другие виды самоощущения, что способствует внутренней поляризации общин, тяготению части диаспорян к иноэтничным общинам (чаще всего к русской) вплоть до объединения с ними, что позволяет избежать угрозы маргинализации и снижает, амортизирует ассимиляционные процессы.

Итак, украинские эмигранты в ФРГ находятся в «вилке» - между склонностью к ассимиляции и маргинализацией. В этом состоянии этнопсихологического кризиса поиск идентичности становится поиском точки опоры, без которой просто невозможна нормальная жизнедеятельность. Ведь

¹¹ Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы / Под ред. М.В.Назукиной, О.Б.Подвинцева, Н.А.Коровниковой. Пермь, 2014. С. 9.

социокультурный смысл идентичности как раз и заключается в том, чтобы помочь «той или иной этнической или социальной группе отличать себя от других и тем самым определять свое место и роль в системе социальных отношений».

Поиск этот осуществляется обычно по трем сценариям.

Первый и довольно распространенный путь – это путь слияния в рамках не этнической, а суперэтнической советской общности, когда для эмигранта приоритетным становится восприятие Украины прежде всего как части постсоветского пространства, украинского этноса – как члена бывшей «советской семьи народов», и это восприятие определяет его самоидентификацию и самопрезентацию в качестве «советского» или «постсоветского человека». Формирование в ФРГ таких «постсоветских» квази-диаспор, объединяющих людей совершенно разных национальностей на основе общей истории, – это особый феномен, который требует специального, сугубо междисциплинарного подхода и работы целой исследовательской команды.

Частным случаем этой стратегии является выбор в пользу не постсоветской, а российской общности, российского зарубежья по принципу «украинцы и русские – братья» или «все славяне – братья». В этом случае формируется весьма сложная полиидентичность, часто замешанная на осознанной или неосознаваемой индивидом оппозиции «славяне – немцы».

Еще один, также распространенный вариант поиска идентичности можно назвать «негативным», поскольку он основан на «негативной» идентификации, на отрицании принадлежности к «русскому» или «советскому» миру и актуализации, порой весьма острой украинской идентификационной матрицы. Матрица эта построена на принципах соотнесения себя и с украинским этносом вообще, и с украинской диаспорой как специфической формы бытования этого этноса. Ее краеугольными элементами являются: православная вера (часто с элементами язычества), украинский язык (в его

литературной форме), украинская культура в обобщенном, сведенном к набору ключевых символов варианте, наконец Украина как страна-борец за независимость, страна-страстотерпец и эмиграция как форпост этой борьбы.

Реализация этих идентификационных стратегий осуществляется через собственно институционализацию украинских общин – создание самых разных образовательных, научных и общественно-политических диаспоральных институтов и участие в их работе. Таких организаций в Германии очень много, но наиболее важную роль в формировании и поддержании украинской идентичности играет Украинская греко-католическая церковь и связанные с нею воскресные школы, а также Украинский свободный университет (УВУ) как единственное в Германии высшее учебное заведение диаспоры, частные светские украинские школы, молодежные организации (например, Союза украинской молодежи или Союза украинских студентов в Германии) и обширный спектр национально-культурных институций. Отметим, что в деятельности этих организаций преобладает именно развитие и поддержание украинской этничности, тогда как смягчение адаптационных процессов обычно находится на втором плане в силу сложности этой задачи, выполнение которой требует объединения сил самих эмигрантов, принимающего общества и государства исхода.

У данных организаций есть своя аудитория, хотя и не очень большая. Дело в том, что польза от принятия предлагаемой этими организациями системы ценностей и идентификационных кодов для многих эмигрантов неочевидна в силу их привычки мыслить иными, не национально-украинскими категориями. А главное – вопросы вызывает тот социокультурный фундамент, который эти организации пытаются подвести под украинскую общину. Это некий обобщенный образ украинца, примерка которого на себя возможна, но чаще всего в виде игры, а не повседневной практики. Впрочем, и существование такой «игры» весьма важно, поскольку она так или иначе способствует усвоению определенных общих культурных

кодов. Важно и то, что обычно с готовностью эту игру принимают дети – учащиеся воскресных школ, участники культурно-образовательных обществ, члены различных спортивных и патриотических организаций. Другое дело, что игра может принимать резко националистическую окраску, что особенно характерно для спортивных и патриотических движений – наследников сокольских и сечевых организаций, а также молодежных подразделений ОУН.

Серьезные этнокультурные различия между эмигрантами и реализация разных вариантов самоидентификации – явление в истории украинской диаспоры не новое. Оно уже имело место и в межвоенный период, и особенно после Великой Отечественной войны. Однако тогда существовали мощные внешнеполитические стимулы, которые могли в короткое время сплавить эмигрантов (антисоветизм, идея борьбы за независимость и создания суверенного национального государства), а также организационные возможности для конструирования национальной идентификационной матрицы – например, в лагерях для перемещенных лиц в 1945-1947 гг.¹²

Сейчас таких мощных стимулов, которые были бы важны для большинства эмигрантов, просто нет. Поэтому фактически новая диаспоральная идентичность формируется на осознании общей судьбы – судьбы эмигранта, это единственный факт, который не вызывает ни сомнений, ни протеста.

В последнее время, на фоне кризиса украинско-российских отношений, идеологического и этнического размежевания между двумя народами, в идентификационной матрице украинских эмигрантов возрастает значение национально-патриотической составляющей. В принципе этот

¹²Косован Е.А. Репатриация украинцев из Германии в 1945–1947 гг. // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сб. мат. Шестой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2016». М., 2016. С. 279.

процесс можно было бы оценить положительно, поскольку национально-патриотическая составляющая способна преодолеть разобщенность социальной группы или групп, остановить расслоение национального самосознания. Однако в данном случае радоваться нечему: осмысление собственной идентичности через призму российско-украинского конфликта не объединяет, а разъединяет украинское общество и диаспору – как проекцию этого общества¹³. Прогнозировать результат этого процесса пока не представляется возможным.

Итак, исследование трансформаций национальной идентичности в условиях диаспоры показывает, что в их основе – сложное переплетение унификационных процессов и процессов охранительных, опирающихся на стремление эмигрантов сохранить свою культуру, язык, религию, традиции и особенно этнонациональную идентичность – ментальное ядро, «которое хранит в себе устоявшиеся и прочные представления этнонациональных общностей о самих себе»¹⁴.

Диаспора и ее институты – при условии достаточно высокого уровня развития этих институтов и их нормального функционирования – способствуют тому, чтобы между процессами адаптации и сохранения исходного этнокультурного самоощущения сохранялся баланс. Это необходимо для того, чтобы эмигрант превратился в успешного и благополучного члена принимающего общества и при этом сохранил крепкие связи с покинутой родиной. Идеальным финалом такой работы диаспоральных структур становится создание диаспоральной полиидентичности, которая представляет сложную и высокофункциональную систему, синтезировавшую элементы исходной идентичности и этнокультурных ценностей принимающего общества.

¹³ Jolkver N., Ostaptschuk M. Ukraine conflict divides Slavic diaspora in Berlin // Deutsche Welle. 07.01.2016. URL: <http://www.dw.com/en/ukraine-conflict-divides-slavic-diaspora-in-berlin/a-18966357> (дата обращения: 25.09.2017).

¹⁴ Коротин В.О. Национальная идентичность в современном обществе в условиях глобализации // Вестник ПАГС. 2015. №2 (47). С. 110.

Если диаспоральная община внутренне разобщена, если связи между общинами в составе одной диаспоры слабы, если идентификационные матрицы членов диаспоры мозаичны, чрезмерно фрагментированы и противоречивы, это чреватолибо полной сменой идентичности эмигранта, либо ее консервацией. Второй вариант наименее предпочтителен, поскольку его реализация на общественном уровне означает превращение общины эмигрантов в закрытую ригидную структуру, а на уровне личностном – переживание культурного шока разной степени тяжести и с самыми разными последствиями (не исключая и суицида).

Славянские общины характеризуются довольно высоким уровнем разобщенности, и украинцы не являются здесь исключением. Однако в случае с современными украинскими общинами степень этой разобщенности возрастает в разы, что подтверждает исследование диаспоральных структур в ФРГ. Можно выделить две основные причины такого положения дел. Во-первых, это транзитный характер украинского социума, его лабильность, высокая фрагментация. Во-вторых, это отсутствие единой, общеукраинской идентичности, будь то идентичность национальная или гражданская, острая конкуренция между региональными вариантами идентичности и той схематичной идентификационной матрицей, которую пытаются предложить официальные власти Украины. Разобщенность украинского общества сохраняется и в эмиграции, которая представляет украинский социум в миниатюре, и затрудняет формирование диаспоральной полиидентичности, обуславливая, однако, частое попадание эмигранта в «вилку» - ассимиляция или маргинализация. Таким образом, проблему трансформаций украинской национальной идентичности можно считать производной от затянувшегося постсоветского транзита украинского социума и от незавершенности цивилизационного выбора современной Украины.

Библиография

1. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
2. Бондарь Ю.А. Динамика политической культуры // Научные труды «Республиканского института высшей школы». 2016. №15. С. 27 – 32.
3. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
4. Киммель Н.В. Особенности формирования культурной идентичности представителей русскоязычной диаспоры в мусульманских странах / Дисс. ...канд. соц. н.:22.00.06 – Социология культуры. Екатеринбург: ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького», 2011. – 187 с.
5. Климов А.Г. Славянская идентичность: социальные и социокультурные аспекты // Социологический альманах. 2010. №1. С.181 – 186.
6. Коротин В.О. Национальная идентичность в современном обществе в условиях глобализации // Вестник ПАГС. 2015. №2 (47). С. 110–114.
7. Косован Е.А. Репатриация украинцев из Германии в 1945–1947 гг. // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сб. мат. Шестой международной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio-2016» / [гл. ред. А. К. Сорокин, отв. ред. С. А. Котов]. – М.: РОССПЭН, 2016. С. 277 – 280.
8. Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы: Мат. Всерос. научно-практ. Интернет- конференции / Под ред. М.В.Назукиной, О.Б.Подвинцева, Н.А.Коровниковой. Пермь: ООО «Печатный салон «Гармония», 2014. – 128 с.

9. Хрусталева Н.С. Переживание психической травмы и печали в условиях эмиграции // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2010. №1. С.253–260.
10. Jolkver N., Ostaptschuk M. Ukraine conflict divides Slavic diaspora in Berlin // Deutsche Welle. 07.01.2016.
11. Migrationsbericht des Bundesamtes für Migration und Flüchtlinge im Auftrag der Bundesregierung (Migrationsbericht 2013) / Bundesministerium des Innern. Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. S. 23 – 25.
12. Müller I. M. Migration in Deutschland und in einigen anderen Ländern Abhandlung für den Gebrauch an der Schule. Arbeitsbericht Nr. 275 / Staatinstitut für Schulqualität und Bildungsforschung. München: ISB, 2005. – 163 s.